

ЕЛЕНА ШЕЛКОВА

**ПОБЕГ
АРБУЗОВ**

Киев

УДК 821.161.1(477)'06-1
ББК 84(4Укр=Рос)6-5
Ш43

Ш43 Шелкова Елена
Побег арбузов / Книга стихов. — К.: Издательский дом
Дмитрия Бураго, 2017. — 96 с.

ISBN 978-966-489-371-5

Имя поэта Елены Шелковой хорошо знакомо ценителям современной киевской поэзии. Первая книга Е. Шелковой – «Чайники» – вышла в 2012 году. Новый поэтический сборник включает в себя как новые, так и лучшие ранние стихотворения автора, развивая трагикомическую линию лирики, присущую первой книге. Её стихи обладают неповторимым колоритом. Автор умеет мастерски, с юмором преподнести читателю своё трогательное, ни на чьё не похожее мироощущение.

УДК 821.161.1(477)'06-1
ББК 84(4Укр=Рос)6-5

ISBN 978-966-489-371-5

© Е. Шелкова, 2017

ЧАСТЬ 1

**ЛЮБОВЬ
К ТРЁМ
АРБУЗАМ**

ПОЕЗД

Странники со странностями. В страны
Чёрт их и кондуктор вновь понёс.
Поезда, я знаю – наркоманы.
Поезда не могут без колёс.

В знойный день и в лютые морозы
Мчится поезд – в город, в море, в лес.
И живут под кайфом паровозы,
Оттого так часто сходят с рельс.

Скорость увеличивая, дозы,
Поезд по дороге всё сметал.
От чего так любят эти розы
Расцветать на рельсах, между шпал?

Он тебя проехал, не заметив,
Он тебе ни стука не сказал.
Но о чём ты думал, семицветик,
Поезду глядя во все глаза?

Что мы ищем, сердце рвя на части?
Мы найдём покой, нам повезёт.
Только не меняет адрес счастье,
Счастье там, где нынче горизонт.

Я лечу, вовек не успокоюсь,
Здесь не те, а там не то, не то...
Я прекрасный сумасшедший поезд.

...за которым не бежит никто.

1. ПОБЕГ АРБУЗОВ

...а грузовик разбился вместе с грузом.
И выпало их чуть ли не две тонны.
Катились трассой смелые арбузы,
Как головы романтиков казнённых.

Побег арбузов! Тысячи по лужам...
Глядел на них и удивлялся кустик.
А тот арбуз – кривой и неуклюжий –
Моя башка, слетевшая от грусти!

Какая нас вперёд толкала сила?
И поняли не только липы – кедры,
Что, даже став арбузом, я катилась
К твоим ногам, к твоим промокшим кедам.

Друзья-арбузы, нас потом поймают,
И повезут на казнь в огромной клетки.
А люди ничего не понимают!
И покупают нас на радость детям.

Романтики в неравном поединке...

Хоть так меня узнай по всем повадкам.
Купи меня за семь рублей на рынке,
Разрежь меня. Я буду очень сладкой...

2. АРБУЗНЫЕ ДОЖДИ

Арбузные дожди – как бомбы.
Сегодня город сумасшедший.
И там, где только что твой дом был,
Растут арбузные черешни.

Срывались бешено арбузы
И разбивались, словно звёзды,
И разбивались, словно люстры,
Ломая головы и кости.

И кровь арбузная мешалась
С листвою, первым снегом талым...
И я в себе не помещалась,
Самой себя мне было мало!

И кровь арбузная мешалась
С листвою, осенью, дыханьем...
И день – весёлый, звонкий, шалый –
Спешил, чтоб стать воспоминаньем.

Зияли раны у арбузов...
Куда от них теперь я денусь?
А ты закрыл глаза, ты струсил
И убежал в обыкновенность.

...Не падали с небес арбузы!
Но слишком много на планете
Пронзительной арбузной грусти,
Понятной – дуракам и детям...

**Мы с тобой ходили в сновидения,
Я ловил сачком снега зимой.
И не знал, что ты – стихотворение,
Всё ещё не созданное мной.**

**Уносил снега под солнце, в рощицу,
Чтобы снег не подхватил бронхит.
Ты смеялась:
Если вдруг не сложится,
Сложатся прекрасные стихи!**

**Как я злился!
Хочешь – будь неверною,
Можешь чашки и меня побить.
Но просил я до стихотворения
Никогда меня не доводить!**

Довела.

**И вот однажды в мир немой
Цвета снега стих упал в тетрадь.
Просто стать строкой незабываемой:
Нужно научиться забывать.**

**Поделись талантами забвения.
Как сбежать,
Найти другую грусть,
Если ты – моё стихотворение,
А стихи я помню наизусть?!!**

ЗАВЕДИ

Красота с одиночеством бродят.
Крепко спаяны эти пути.
Кто кот, кто совёнка заводит,
Ты меня,
Ты меня заведи.

В Третьяковке и Лувре мне грустно.
Что холсты, кринолины, парча?
Пить с ладоней твоих – вот искусство,
Что потомки должны изучать!

О любви и о птицах не спорят,
Страшно, что не страшны поводки.
Заведи меня!
В лес или море,
Заведи,
Только не доводи

До того,
Чтобы я заводила
Не тебя,
Не того и не там.

Птица может лететь легкокрыло
Только к верным своим адресам.

**...будут падать солдаты, снежинки,
Таять вновь у Земли на груди.
Бог заводит всё ту же пластинку...
Заведи же меня,
Заведи.**

МОЕМУ МУЗУ

Без ухищрений и искусов
Мы выбираем жизнь на вкус.
К поэтам ночью ходит Муза,
А к поэтессам ходит Муз.

Я стала бледною, как груша,
За что мне тяжкий этот груз?
Ведь я хотела просто мужа,
А вместо мужа – только Муз...

Лежит немытою посуда,
Мне не понять, «в чём сила, брат».
Хочу сбежать, сбежать отсюда
К тебе – на сто стихов назад!

Воспоминания не ранят,
Я на тебя уже не злюсь.
Конечно, муж терпеть не станет,
Когда на кухне ночью Муз.

Что натворила я?! Творенья...
Холодный Муз смотрит в упор.
И каждое стихотворенье –
Себе же смертный приговор.

Характер мой – конец любому.
И от меня (я так боюсь!)
Не только муж сбежит из дому,
Но и последний хилый Муз...

Цветы не умирают тихой смертью,
Рождённые в стекле большой теплицы.
Зачем ты смотришь в небо, семицветик?
Ведь над тобою лица, лица, лица...

Тепло в теплице, только не согреться.
И выбора не будет: или – или.
Зачем вас в сумасшествии селекций
Талантливые звери выводили?

Вас выводили те, кто жил без башни,
Забыть бы лишь о ком-то где-то где-то,
И вот танцуют синие ромашки
И васильки кораллового цвета.

Колдует гений, сквозь пыльцу и слёзы,
Он видит вместо лилий – чьи-то губы,
Он скрещивает розы и берёзы
За то, что ей ботаники не любы!

По красному ромашковому полю
Влюблённые идут светло и мило.
Изобретателя ромашек помнят, помнят,
А ты его сто лет назад забыла.

И в этом вихре злых изобретений,
Больших открытий, проигрышей, жалоб
Цветы скорей отбрасывают тени,
Чтоб хоть они от ножниц убежали.

1. ВЕСЁЛЫЙ КЛОУН

...а коллеги хватают за горло,
за ареной, где змеи на люстре
Пристают изо дня в день упорно:
– Расскажи, ты, наверное, грустный?

Клоун грустен – такое поверье
Есть в парижках, берлинах и сёлах.
Я кричу, а они мне не верят:
– Я весёлый, весёлый, весёлый!

Жизнь люблю я – как сны и конфеты,
Я снегами и звёздами полон!
Но девчонки из кордебалета
Шепчут: «Ты же неистинный клоун!».

Я в словнике прячусь от сплетен,
«Карандаш», доведённый до ручки.
Хорошо, что на свете есть дети,
Но из них вырастают колючки.

Я живу возле цирка, в сарае.
Каждый день, не умею иначе –
Я пунцовый парик надеваю,
Чтобы сделать планету поярче!

Но мой рыжий парик постепенно
Побледнел – он стихов стал блее.
Я в слезах выхожу на арену
И грустнею, грустнею, грустнею...

2. КРАСНЫЙ НОС

А клоун в буфете печален, не весел,
И нос накладной над тарелкой повесил.
Артисты носы за ареной не носят,
Зачем же остался, остался ты с носом?

Ведь жил ты спокойно, легко, безопасно,
Зачем ты сбежал из картины Пикассо?
Ну, мухи садились, ну, люди глазели,
Но это не повод сбегать из музея!

И знают лишь зимние окна-балконы,
Как душно дышать сквозь слои поролона,
Как страшно в любовный колодец кидаться,
Ведь нос, он мешает тебе целоваться!

Планета не станет светлее вертеться
От шарика цвета безмозглого сердца.
Здесь столько безносовых, что нюхают розы,
А станешь собой – и останешься с носом.

Но всё же, под вечер, как звёзды, мерцая,
У чудиков нежных носы зацветают.
Я грустно живу, я сказать не умею,
Но мне от носов этих красных теплее...

А Вам?

Я – телефон. Я слышу голоса.
Я знаю, это признак паранойи.
И снова обострение – весна.
В меня поют, смеются, плачут, воют.

Звонки для встреч легки и коротки,
И на свидание потом летят ракетой.
Но есть на свете длинные гудки –
Они для тех, кто любит без ответа.

Но, наплевав на мудрость и на быт,
В хрущёвке синеглазая Мадонна
Звонит ему, звонит ему, звонит,
Не зная даже номер телефона...

И говорит: «Мне Бог шепнул: рискуй!
Я к Вам звоню, гудки рыдают где-то.
Как страшно трубку подносить к виску –
Как будто это дуло пистолета!».

...я – телефон. Без денег и без виз
Я сокращал немислимые дали.
Но сколько раз меня бросали виз
За то, что их любимые бросали!

Я телефон, я слышу голоса...

Я болен. Брожу дорожками.
Город меня забыл.
Сигареты, туман – всё дым.

Я болен. В доме с окошками,
Твои каблуки не стучат.
Не дожидаться нам каблучат.

Голубей соблазняю крошками.
В зоопарке год назад был.
Мы ходили смотреть на горилл...

Значит, себя в прошлое?
Под окнами щебет девчат.
Как странно птицы кричат!

ТРА-ТА-ТА-ТА-ТА

Ведь кто-то набрался нахальства счастливым
Казаться,
И ехать,
И гладить кота!
Меня на перроне расстреливал ливень,
Расстреливал страшно:
– Тра-та-та
-Та-та!

Ведь кто-то же ехал в том поезде,
Эхал,
Бранился,
Что дома осталась еда.
Следы мои с визгом вагон переехал...
Мгновенно и на смерть:
– Тра-та-та
-Та-та!

...бежала девчонка за поездом ночью –
Влюблённая,
Нежная –
Просто беда.
– Любимый, я стану такой, как ты хочешь!
Но поезд смеялся:
– Тра-та-та
-Та-та!

Мне было, кого провожать в том вагоне –
Не на день,
Не на два,
Я знал – навсегда.
Но, гордый, я плакал с тоски на перроне
Другого вокзала:
– Тра-та-та
-Та-та!

СТРАНА СОЛИРУЮЩЕГО САКСОФОНА

Оркестры, повсюду оркестры, оркестры.
По струнам идёшь, понимаешь: труба.
И дружбе нет места, и нежности места,
Но всё же страну сочинию для тебя.

Страну Солирующего Саксофона.

Нет тихого слова – всё чаще и чаще
От звуков и звяков гудит голова.
Здесь галстук, и тот подбирают кричащий,
А я всем назло подбираю слова.

К Стране Солирующего Саксофона.

Я их подбирал, как девчонка помаду,
Которая знает, что встреча – финал.
А всё оттого, что когда сам я падал,
Никто никогда меня не подбирал.

В Страну Солирующего Саксофона.

И пусть одному мне кружиться трамваем,
И пусть одному возвращаться домой.
Я – неповторим.
Или неповторяем?
Я – не подбираем к тебе
и тобой.
Я – буква.
Я – слово.

Я – фраза, которой
однажды взорваться – затихнут миры.
Среди оркестрантов, играющих горе,
Услышь меня
И подбери,
подбери.

В Страну Солирующего Саксофона.

ЗВЁЗДНОЕ САМОУБИЙСТВО

Увидев падающую звезду – загадай желание,
и оно сбудется.
(народная примета)

...а в небе, как дома, печали, скандалы...
Звезде нашептали: «Скорее линияй!».
Упала звезда. Я в неё загадала,
Чтоб стал ты прохожим, как все, для меня.

Да здравствует звёздное самоубийство!
Привычка желать теплоты и огня.
Я знаю, что где-то, в стране Смятых Листьев,
Загадывал кто-то такую, как я.

Меня не ругай за фантазию слишком,
Ведь что я на свете без глупых затей?
Пусть звёзды, смешные, как в детстве мальчишки,
Желанье загадывают на людей...

Как страшно быть дурой! Страшней – поэтессой, –
Ходи, сочиняй весь недолгий свой век.
Желанье звезды исполняется, если
Внизу, на Земле, упадёт человек.

...сегодня смеюсь, только завтра, я знаю,
Не выдержу, маску сорву и сорвусь.
И звёзды тогда на меня загадают
Влюблённость,
Влюблённость большую, как грусть.

ЛУКОВОЕ СЧАСТЬЕ

У тебя в кармане два кастета.
У меня – Верлен или Вийон.
Общего – всего одна планета,
Луковое счастье ты моё!

Я уже зимой боюсь, что лето
Улетит на отдых в Магадан.
Ты грозился убежать с планеты,
Даже был уложен чемодан.

И когда планета вдруг остыла
Оттого, что ты махнул на Крит,
Я такого настихотворила –
Пять издательств плакали навзрыд!

Кто из нас не прав был: я ли? ты ли?
Не волнуйся: рифмы – не беда!
Столько мы посуды перебили,
Что не деться счастьем никуда.

Слышу я легенды голос древний,
И тогда мне кажется порой,
Что деревья – вовсе не деревья,
Люди под берёзовой корой.

Те, что у подъезда век стояли
И в окно глядели, как в алтарь,
Корни здесь пускали, отцветали,
Листьями бросались на октябрь.

...а тебе вся жизнь по барабану,
Ты смеёшься надо мной и всем.
Ешь кокосы, ешь зимой бананы,
На гитаре знаешь сотни тем.

Я опять твоё рифмую имя,
Но растёт тревогою вопрос:
Отчего под окнами твоими
Столько бледных, пасмурных берёз?..

ОДИНОЧЕСТВО

Я говорю: «Нам надо апельсинов,
Чтоб город ярким стал, как мой жакет.
Купи мне апельсинов синих-синих...».
Ты говоришь: «Таких на свете нет».

Я говорю: «Давай махнём в Одессу,
Нарвём грибов к обеду на вчера».
Ты говоришь, что только поэтессы
Так глупо убивают вечера.

Я говорю: «Когда была б я кошкой,
Я бы тебе котёнка родила...».
Ты злишься: «Ведь у кошки будут блошки!
“Котёнка!”, так давай уже козла!».

Я фантазирую, я жгу стихи и люстры,
А может, нас придумал Пикассо,
Когда холсту, как псине нашей, грустно,
И жизнь короче, чем стишок Басё?

Нам разойтись нет ни одной причины.
У нас есть для молчанья сотни тем.
Что хуже, чем без юмора мужчина?
Лишь женщина, что шутит надо всем.

БЕСПРЕДЕЛ

Если жизнь кому-то надоела,
Если мир кому-то надоел,
Человек доходит до предела,
За которым только беспредел.

У тебя семь пятниц на неделе,
Я любил, но плохо – как умел.
И своё сплошное неуделье
Бросил на решение важных дел.

Поначалу робко и несмело,
Будто всё вокруг из хрусталя.
Я дела придумывал – и делал,
Чтоб не думать, что наделал я.

И дела росли, цвели, лучились,
Закрывая полностью собой
То, что в прошлом так и не случилось.
Я теперь живой и деловой.

Всё враньё! мне до тебя есть дело,
Не мечи в меня потоки стрел.
Ты дойди со мною до предела,
Ведь со мной прекрасен беспредел...

ВЛЮБЛЁННЫЙ ПЁС

Я вышел под ливень со смены из цеха.
Жизнь – вовсе не сахар, а тут ещё вдруг
Влюблённого пса «Мерседес» переехал
И дальше помчался со всех ног и рук...

И улица уши заткнула от визга!
А ливень хлестал его так, будто пёс
У ливня похитил жену и сосиску,
Как будто он тапки у ливня унёс!

И позже, в квартире, с друзьями и пивом,
На улице, в шуме людей и колёс,
Мне чудился этот, такой некрасивый,
Такой непушистый, бесхвостовый пёс...

Я долго сидел у иконы оконной,
И думал, и мир был, как тёща – немил.
Откуда я знал то, что пёс был влюблённым?
Ведь я с ним не знался и водки не пил!

Смотрел в потолок, и на стены, и на пол...
Мы были похожи по сотне причин –
Как он волочил непослушную лапу,
Я сердце своё без тебя волочил.

Безжалостные мерседесные кони
Натачивают на других колесо.
Зачем я рождён безнадёжно-влюблённым
В тебя, в этот мир, не жалеющий псов?..

СОРНЯК

Он жил спокойно, без затей
Как все – смешной и одинокий.
Имел свой дом, троих детей
И боль – понять чужие строки.

Чужую грусть-тоску-печаль...
Как это редко здесь, в столице!
Всё знать – и всё-таки молчать,
Любить – и всё-таки не сниться!

И, поправляя дочке бант,
Он говорил, чуть-чуть печалась:
– Не дан мне истинный талант,
Но истинная грусть досталась.

Он знал, что в мире всё не так,
Что людям вечно будет мало,
Что здесь Любовь – и та – сорняк:
Растёт когда и в ком попало...

ХУДОЖНИК ПОПАДАЕТ В РАЙ

Художник попадает в рай,
Но там за это вечно пашет.
Смотри, где неба самый край –
Цветёт сиреневая башня.

Работы долги и грубы:
Художник сам, без посторонних,
Обязан линии судьбы
Чертить на будущих ладонях.

Виват, Виват, примитивист!
Твои ладони – для счастливыхцев...
Но что напишет баталист?
А человеку вечно биться.

А нам с тобою повезло,
Водоворот людей, интрижек:
Нам сумасбродный Пикассо
Дороги на ладонях выжег.

Любимый, к Вам придёт почёт,
Вам быть талантливым и чистым.
Цыганка руку не прочтёт,
Ведь это холст сюрреалиста.

Вам не любить меня сто лет,
Не выбирать одну из женщин:
Когда рождается поэт,
Становится на счастье меньше.

Что будет с нами там, в дали?
Но, зная рук твоих эскизы
Я буду не любить Дали
Потом, потом – в грядущей жизни...

ПРОКЛЁНЬЕ

Всюду клёны, клёны, клёны, клёны...
Стаями проносятся и врозь.
И вороны смотрят на иконы,
И гуляет по жаре мороз.

Говорят, что это всё не ново,
Говорят, что с этим можно жить.
Клёнушка! Кленово мне, кленово!
Голову, куда её клонить?

Заплясать, заплакаться, запеть бы,
В заоконье впрыгнуть, в корабли.
За стихи какие злые ведьмы
На меня проклёнье навели?

Жизнь кленова. Это знает всякий,
Кто хоть раз посмел сойти с ума.
И цветут на клёнах маки, маки...
Аромат.
Забвение.
Дурман.

Вспоминать об этом смехотворно,
Тапки ты мои тогда носил.
Но за что размер мой стихотворный
Никогда тебе не подходил?!!

В заоконье синем и огромном
Аксиома для любой судьбы:
Вышибают клён обычно клёном.

...А вокруг меня одни дубы.

ЗЕЛЁНЫЕ ПОДЪЕЗДЫ

Кто разрисовал подъезды
В зелень, всюду, до мазка,
Чтоб устраивала съезды
В них зелёная тоска?
Здесь не слышно пенье пташек,
Не срывается гроза.
У подъездных таракашек
Вечно грустные глаза.
Вернисаж для всех прохожих –
Безразмерный холст висит.
Где же ты теперь, художник,
Гений, выскочка, бандит?
Метры зелени тревожной,
О твоей тоске трубят.
Кем ты так болел, художник?
Кто так разлюбил тебя?..

ОСЛАМ

– Сегодня пятница, мой день рождения.
Ослик Иа

Хорошо быть слоном за огромным столом.
Хорошо быть лисицей – красивой и рыжей.
А меня сочинили печальным ослом
В этой самой весёлой из сказочных книжек.

Я был слишком серьёзен, и слишком непрост,
Я любил вас – так глупо, смешно, не умея!
Я был круглым ослом – и мой ветреный Хвост
Убегал, чтоб вилять и юлить веселее.

Хвост мой в сказку иную, к другим, унесло.
В той стране Винни Пухов есть счастье и пудинг.
Хвостик! В жизни у вас будет много ослов,
Но вот ослика, ослика больше не будет!

Я надую сто тысяч зелёных шаров,
Я с другими наемся и клюквы, и мёда –
Это участь – родившись с тоскою коров –
Быть весёлым в любую любовь и погоду...

Будь я трижды талантлив, сто раз не здоров,
Ослик всё же останется просто скотиной.
И поэтому, Хвост, не жалейте ослов,
Что рыдают, откнувшись в свой торт именинный....

Я люблю. Разделилась планета.
Сколько солнца, и счастья, и вишен.
И меня уже два – тот и этот,
Только этот печальней и тише.

И тебя тоже два. Пусть сопьются
От задачи моей эскулапы.
Можешь ехать хоть в тысячу Турций,
Но себя, что во мне, ты не лапай.

Уходи, сочиняй самолёты.
Погибай, делай сотни открытий.
Ты, который во мне – это ноты,
Отблеск самых невидимых нитей.

А потом ты во мне станешь тише.
Ещё тише, и ти... и растаешь.
Ты гуляешь с женой по Парижу,
И не знаешь, что ты – исчезаешь.

...я хожу неуверенно, косо.
Не дают мне покоя вопросы:
Может, я по проспекту гуляю,
И не знаю, что я – исчезаю?..

ПОЭТ НА СВАДЬБЕ

сестре Настеньке

На белые, белые, белые свадьбы
Синее, чем дворники, мчат женихи.
Мне от одиночества встать, заорать бы,
Нельзя – я пишу лишь смешные стихи.

Веселье... дворняга по имени Моська
Из луж наакалась и бросилась в пляс.
А тот, кто испортил мне жизнь и причёску,
Наверное, курит на кухне сейчас.

Невеста, хотите, станцюю чечётку?
И даже гостей провожу на вокзал...
Мой ангел-хранитель напился до чёрта,
Узнав, кого Бог охранять приказал.

Пусть бьются бокалы, и звёзды, и Марсы,
Кружитесь, невеста! Кружись, голова!
Поэт, погляди, как неистово счастье,
Которое ты променял на слова!

К чему эти вирши? В расцвете черешни,
И «Горько!» кричат облака и дома.
Одно хорошо – я уже сумасшедший,
А был бы нормальным – сошёл бы с ума...

НА ШАРУ ПО ШАРУ

Однажды,
напившись на все скипидару,
Я брошу стихи, как бросают курить.
На шару по шару,
на шару по шару
Я стану зачем-то печально бродить.

Я шарик надую Вам на день рожденья.
Иду к Вам во двор, зная, не ко двору.
Но женщин нелёгкого поведенья
Зовут поэтессами в этом миру.

И как ни крути, Вы – дурак, а я дура.
И, может, поэтому нам по пути.
Вы горе надули, я – горе надула...
А шарик, он лопнул.
Куда нам идти?

На шару по шару!
Вот это б гульнули!
Чтоб где-то, когда-то, зачем-то понять:
Нас просто надули,
Нас просто надули,
Поэтому только умеем летать.

ДВЕ ЖИЗНИ

Эти джинсы – в пиве, в чае, в дырках.
Я ношу немодные глаза.
Но в стихе я к Вам бегу на шпильках –
Там не полюбить меня нельзя.

Что ещё со мною не случится?
Но, пусть жизнь печальнее, чем Бах,
Я себе позволю не напиться,
Если не на деле, то в стихах.

Я уйду – без крика, без скандала.
Грусть мою как хочешь, назови.
Полюбив, я от стихов бежала,
Но в стихи сбегала от любви.

Там, в стихе, я тоненькая кукла,
Эталон ума и красоты.
Я весь мир послала на две буквы!
Ты, ты, ты, ты, ты...

Правилам вовеки не служу я,
Мой хорей и хилый, и хромой –
Вопреки законам я рифмую,
Всё рифмую лишь с одним тобой.

В джинсы впаяно моё смешное тело.
По карманам спрятаны рубли.
Но в стихах я всю себя раздела.
Вот такую – хочешь? – полюби...

О ЛЮБВИ Я ПРОСТО РАССКАЖУ

Барабанщик взялся за гобой.
Гитарист играет на трубе.
Раньше я смеялась над тобой,
А теперь смеюсь лишь о тебе.

Гитарист играет на трубе
И поёт пронзительно немой.
Я готова плакать о тебе,
Только бы не плакать над тобой.

А всем тем, кто для себя влюблён,
О любви я просто расскажу:
Это – ненавидеть дом и клён,
Ведь они тебя переживут.
Фонари тебя переживут.
Корабли тебя переживут.

...помню день: мы в парке, смех ребят,
И осталось целых пять минут,
До того, как полюблю тебя!

Сто измен приму – не зареву.
Книг моих да сгинут тиражи.
От тебя я всё переживу,
Только бы тебя не пережить.

22 мая 2012 года

НЕ НАСТУПАЙТЕ НА БОЖЬИХ КОРОВОК!

Жизнь нам наставит, отличникам, двоек.
Но, даже если случилась беда –
Не наступайте на божьих коровок!
Не наступайте на них никогда!

Шутка, похмельный прикол мироздания,
Странной любви неуместный итог:
Божья коровка – смешное создание,
Наполовину Корова и Бог.

Не отпоёт тебя плачущий инок,
Тёплые руки не скажут – лети!
Что за привычка влюбляться в ботинок,
Тот, что раздавит тебя по пути?

Примет в себя их большая дорога,
А над дорогой то горе, то смех...
Божьих коровок так много, так много,
Нежности Бога не хватит на всех.

НЕ ВСЕ ДОМА

Я хожу по лужам и знакомым,
По чужим планетам – там уют.
Есть же люди, и у них все дома!
И они в домах своих живут.

И несут пирожные на блюде,
И растят фиалки и детей...
Есть же в этом мире где-то люди,
У которых всё, как у людей!

Королева рифмы и облома,
Я открою маленький секрет:
У меня не все, любимый, дома,
Ведь тебя со мною в доме нет...

ОСТАТЬСЯ В АПРЕЛЕ

Я где-то хожу, я на что-то гляжу.
Но нет здесь меня – я остался в апреле,
Где за руку тихо тебя не держу,
Ещё не целую, дыша еле-еле.

Куда-то бегу и о чём-то молчу,
Хватаю планету за синее пузо.
Сейчас я профессор, дурак и ворчун,
Но там я остался пронзительно-русым.

Наверно, судьба. Да, наверно, судьба –
Скучать без тебя каждый миг во вселенной.
Остался я там, где, ещё не любя,
Уже ты мне кажешься в чём-то весенней.

Домой прихожу, но наш домик – обман,
Пусть ты наливаешь мне борщ со сметаной...
Но нет тебя в доме – осталась ты там,
Где всё непонятно, прекрасно и странно.

ГРАБЛИ

От неба убежали капли,
И небо стало горевать.
Я, кажется, влюбился в грабли,
И наступаю я на грабли,
Чтоб целовать их, целовать...

КРЫЖОПОЛЬ, ВЛЮБЛЁННЫЙ В ПАРИЖ

– Любимый! Послушай, ты спишь?
А в мире, как будто так надо,
Крыжополь, влюблённый в Париж,
Французские пел серенады.

И в ноты он не попадал.
И морщил домишки, и плакал.
И снова в любви пропадал,
Как будто в тумане собаки...

Нескладен, упрям, кривокрыш,
И окна выходят за рамки.
Ты, город, опять городишь
Воздушные синие замки.

Хочочут мечты, говорят:
– Крыжополь, ты слишком неблизкий.
У маленьких крыжополят
Не будет французской прописки!

Но знаю я, знаю, верь мне,
Что, бросив любовниц и книжки,
Рыдал на Монмартре Верлен
О глупом смешном городишке...

Любимый, послушай, ты спишь?
Всё чаще и чаще я вижу:
Крыжополь, влюблённый в Париж,
Прекрасней любого Парижа.

НАД ДУШОЙ

Разорви свой билет проездной.

Без тебя не все дома в дому.

Ты стой!

Ты стой!

Ты стой!

Мне не выстоять ведь одному.

Я бежал и на Марс,

И в Тибет,

Я транжирил себя до гроша.

И стихи, что писал о тебе,

Специально другим посвящал.

И в ломбард

(До чего я дошёл!)

Сдать пытался земной глупый шар.

Ты стой!

У меня над душой,

Чтоб душевнее стала душа.

И тогда я тебе расскажу

(Я бесстрашный!)

Свой страшный секрет...

Видишь – на подоконнике жук,

На полу зарифмованный бред.

Не брани тараканов моих.

Мой поступок почти что смешон:

Я сказал всем, что это –

твой стих.

И он мне,

И он мне посвящен.

СЛЕДЫ

Как много вокруг снегов,
И ты по снегам беги.
Да будут среди шагов
Любимой моей шаги.

А шаг оставляет след –
Автограф судьбы Земле.
Моих сумасшедших кед
Уже не найти во мгле.

Я жить веселее мог,
А выбрал любовь и грусть.
Мне не целовать ей ног,
В следы на снегу вопьюсь.

Друзья мне кричали: Бред,
Но жизнь выбирал я сам.
Пускай не оставил след,
Ведь шёл по твоим следам,

Чтоб не замели снега,
Не вытерли их враги,
Прости мне, моя нога,
Я ей отдаю шаги,
Чтоб только жила сто лет!

Жаль, понял я лишь сейчас:
Не мы оставляем след,
Следы оставляют нас.

**...куришь, по столу всё барабанишь,
Словно та, в которой целый свет,
Завтра за другого выйдет замуж...
А твоя ведь замужем пять лет.**

ПЯТАЧОК

Ты подарил мне пятачок
На память, просто так.
Я был когда-то дурачок,
Теперь – большой дурак.

Пятак, зажатый кулачком,
Живёт в моём дому.
Куда идём мы с пятачком,
Не скажем никому.

На свете много есть примет,
Но верю я лишь ей:
Забросишь горсточку монет –
Вернёшься поскорей.

Летят монеты вглубь реки,
В колодец и фонтан.
А я кидаю пятаки
За твой большой диван...

КОГДА Я УМРУ

И вот я умру, и не выпить мне чаю,
Ни сливок, ни ряженки, наверняка.
Я так под землёй о тебе заскучаю,
Что в небе повесятся все облака!

А я дуба дам – тополя скинут шапки!
А я дуба дам, и берёзы замрут!
Дверь будет молчать, сиротливые тапки
По комнате биться, метаться начнут!

Когда я умру безвозвратно и чётко,
Я буду жалеть об одном каждый час:
Что ты не запустишь в меня сковородкой,
Любимая, как это было не раз.

Когда я умру под конец листопада,
Пойму, подарив миру грустный смешок,
Что смерть пережить, переждать просто надо,
Как ливень, любовь и рекламу, дружок...

Куда попадёшь ты, дурак безбилетный,
Окончив прекрасный, бессмысленный бег?
Когда я умру, не заплачут поэты,
Заплачут стихи, барабашки и снег.

БАРАБАШКА

Наверное, так вот и сходят с ума –
Без криков, бросания вилок.
Вся жизнь – это грусть, разделённая на
Тысячи мелких грустинок!

И что с меня взять, кроме белых стихов,
Ведь грусти нужна оболочка.
У сердца повадка осенних коров,
Вредность единственной дочки.

Стреляют дожди, знаю, в этой пальбе
Я –дохлый, но солнечный зайчик.
Я всей косолапостью рвался к тебе,
Жалостью слов и подачек...

Пришла ты – куда только руки девать?
Их стало как будто бы десять.
Ах, если б тебя можно было обнять,
Понять, от всех занавесить!

Но счастья не терпят в округе у нас,
Как платице – больше не в моде.
Как лошадь, всё ржал мой крылатый Пегас,
А я лепетал о погоде...

Как ты уходила, запомнил порог
И голубоглазая чашка.

А мне показалось – заплакал зверёк,
Подъездный зверёк – Барабашка.

КОНТАКТ

Глаза не видят – сердце не болит

Здесь что ни «статус», так – палата.
Не став в судьбе твоей никем,
Я убегаю от Контакта,
От диалогов и фонем.

Я убегаю от Контакта
Не видеть «новостей» о Вас.
Да знала б, что случится завтра,
Я бы повесилась сейчас!

И нечем, нечем, нечем крыть мне.
Вы, врёте, доктор Айболит:
Глаза мои почти не видят,
А сердце всё-таки болит.

Вам не поймать меня, соцсети.
Я – сумасшедший от сохи.

...У нас могли родиться дети,
А родились одни стихи.

Пройду и я, и боль, и время:
Ты на страничку заходи.
Мой аватар не постареет,
Чтоб ни случилось впереди.

Зайди ко мне: на фото, имя,
Погладь экран больной рукой.
Контакт запомнил нас такими,
Контакт запомнил нас такими...

А ты забыл меня – ТАКОЙ.

СТИХ ДУШЕВНОГО ЧЕЛОВЕКА

А я каков? А я таков –
Признаться вам не трушу,
Мне Бог совсем не дал мозгов,
Но дал большую душу.

Стихов и горя кутерьма,
Дожди сменяют ливни.
Обидно – горе от ума
Вовеки не грозит мне...

А я любил, а я спешил,
Но ей всё было мало.
И горе, горе от души
Моим проклятьем стало.

Мне говорят – стихи пиши,
Бросай пичужкам крошки...
А я бы душу задушил,
Но я рождён хорошим.

Пусть кто-то вновь срывает куш,
Не рвя себя на части,
Пусть тысячи бездушных душ
Берут за горло счастье...

А я ушёл от дележа,
И с грустью понял, люди,
Что очень умная душа
Большой уже не будет.
Одни дела планет вершат,
Другим – семья и дети...

А у меня одна душа
И – ни шиша, и ни шиша...

СТИХ ПОТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

Случайные встречи ложились на полку.
Прощальные взгляды бомбили планету.
Непросто, непросто найти незнакомку,
Когда от знакомых спасения нету!

Когда вся планета – сплошное болото,
Когда вся планета – шестая палата,
А рядом всё время какой-нибудь кто-то,
Кого я не знаю, кого мне не надо.

И осень всё ближе – падение яблоч.
На сердце всё меньше цветущих Испаний.
Но хочется верить, что в чём-то и я – Блок,
И я незнакомку найду в ресторане.

А мир, он прекрасен. Но как надоело
Кого-то искать, от кого-то теряться.
А ливень всё рвался на мокрое дело,
Бежал, как жених от невесты из ЗАГСа!

Бежали вокзалы, причалы и пристань,
Как жить пацанами, забыли мужчины...
И осень, и осень – импрессионистка
Всё чаще и чаще рисует морщины.

Ночами звонят мне и Верка, и Томка,
А я домовитый, но страшно бездомный,
Опять убегаю искать незнакомку,
Чтоб сделать её безнадёжно знакомой...

СТИХ СТЕСНИТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Став не по стихам седым и старым,
Подружившись с тёмным, тёмным дном,
Побелев от лунного загара,
Я стою не под твоим окном.

Здесь, без гор, совсем свихнулось эхо,
Эху снится радужный Тибет.
Я в страну иную переехал,
Чтоб себя не выдать при тебе.

Я стоял так долго здесь, на Спуске,
Что один подать мне подошёл.
Это же невыносимо грустно,
Если жизнь моя пройдёт смешно!

Я не стал противиться, лезть в драку.
Взял монету и упал в траву.
Если я найду себе собаку,
Я её Печалькой назову.

Я люблю цветы топтать по маю.
Если б я был смелым, вышел прок:
Я тебя схватил бы, как хватают
На базаре чей-то кошелёк!

Каждое моё дыханье – шутка,
Надо мной смеётся гадкий кот.
Ну и пусть целуются в маршрутках
Те, кому любовь далась легко!

Помнишь, я шептал тебе: «Послушай!
Я – лишь ты. Меня, как счастья – нет».

Ты же ела маленькую грушу,
И просила гречку на обед.

СТИХ ПОГИБШЕГО ЧЕЛОВЕКА

Спотыкаясь, по планете,
Там, где скоро ляжет снег,
Там, где радуются дети,
Шёл погибший человек.

Он шептал берёзам шалым
Боль свою – почти без слов.
Кутался в зелёный шарфик,
Жался к жалости дворов.

А потом, дойдя до точки,
Он, схватив меня, орал,
Чтоб я рифмы, рифмы к строчке
Посчастливей подобрал!

Чтоб набрал какой-то номер,
Чтобы в трубку помолчал,
Что из детства помнит море,
Счастье и большой причал.

Вдруг какая-то девчушка
Девяти неполных лет
Подбежала, и ватрушку
Протянула, как букет...

...и не замерли оркестры.
И не выпал первый снег.
Ну, не всем же плакать, если
Где-то гибнет человек!

СТИХ НАИВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Ложились белые снежинки
На мир, в котором я любил.
Я сочинял тебе стишинки,
Я их в авоське приносил.

Я жил вне времени, вне штата,
Гонял пургу и голубей,
И белые мои стишата
Неслись тебя обнять скорей.

Мне грустно, грустно, грустно, грустно!
У ног сидит слепой стишок,
И висельник извечный – люстра –
Зачем-то светит над душой.

Стихи остались – и довольно.
Я выдумую сотню дел.
Снежинкам тоже падать больно,
А кто – хоть раз – их пожалел?

СУМАСШЕДШЕЕ СЧАСТЬЕ

Больной номер девять – сбежавшее Счастье.
В психушке – тревога. В психушке – бедлам.
В прозрачном, воздушном, смирительном платье
Танцует по сёлам и по городам.

Танцует над будущим и над прошедшим,
И смотрят нормальные в смутной тоске...

А Счастье не может не быть сумасшедшим!
А Счастье, как ослик, идёт по доске!

Медбратья несутся, хватая за пятки,
И Счастью, к несчастью, не смыться от них.
Приходится быть и случайным, и кратким
Как чей-то, как чей-то талантливый стих.

И снова утрата, и снова расплата,
И снова дожди, и уколы, и грусть.
Но Счастье опять убежит из палаты!

А значит, я к Вам непременно вернусь...

ЛЮБОВЬ НЕ ЗЛА

Она не просто так пришла,
Она свалилась кубарем.
Любовь не зла, любовь не зла –
Она девчонка с юмором.

Куда себя от скуки деть?
На горе, в каждом олухе
Однажды можно разглядеть
Ванговы подсолнухи.

Пусть он – косой. Пусть он – хромой...
Но дело не во внешности,
А в том, как много за тобой
Крылатой глупой нежности.

Ни фей, ни эльфов, ни чудес...
Девчонки, будем честными –
Нет принцев. Но и нет принцесс
Под небесами трезвыми.

Сто тысяч раз лоб расшибёшь,
И будешь вить на площади.
Но день придёт, и ты поймёшь –
Что надо просто проще быть.

Так помни: чтоб достичь вершин,
Не слыть наивной дурую,
Что некрасивых нет мужчин,
Есть женщины без юмора.

ПОСЛЕДНИМ УМИРАЕТ ЮМОР

И пусть я – романтический невежда,
Но буду говорить, пока не умер:
Последней умирает не надежда,
Последним умирает юмор.
Я за любовь платил – дороговизна,
Остались лишь стихи: мели, Емеля!
Но если я решусь лишиться жизни,
Наверно, первого апреля.
И прежде, чем мой стих совсем заглохнет,
Я расскажу, и может быть, утешусь:
Последней умирает не любовь, нет.
Последней умирает нежность.

ЧАСТЬ 2

**РОМАНТИКИ
В НЕРАВНОМ
ПОЕДИНКЕ**

РИСК

«Всё испытай: огонь и брод», –
Мой друг-сосед шаманствовал.
«Кто не рискует – тот не пьёт
победного шампанского».
И я посмел: рубил с плеча,
Ходил с ружьём за тиграми.
И дважды в карты – не печаль!
Вселенную проигрывал.
Боролся. Пробовал. Бывал
У короля испанского...
Я столько в жизни рисковал,
Что спился от шампанского.

СМЕЛЬЧАКИ

А все кто живут – смельчаки, смельчаки!
Ведь знаю, всем нам, перед тем, как родиться
Рассказывают до последней строки,
Всё то, что при жизни с тобою случится.

А после, а после твердят: Выбери!
Захочешь – живи, а не хочешь, не надо,
Захочешь – садись и на лошади в рай,
А там снегопады, а там стихопады.

Мне жизнь рассказали. И что я решу?
А нежная ведьма до слёз хохотала,
Читая стихи, что тебе посвящу,
Как буду бежать до речного вокзала,
Как буду просить на край света билет,
Когда долблю до последнего края.

Как странно! Тебя нет, меня ещё нет,
А я тебя вижу, и жду, и скучаю.

На небе, на небе нектар и пыльца.
Хоть небо военных традиций не знает,
Идущим на жизнь, словно юным бойцам
Сто грамм наливают, сто грамм наливают.

Мне всё рассказали – ты просто мелькнёшь
В машине, в ракете, а может, в карете.
А после стихи, одиночество, дождь...

Налейте сто грамм мне. Налейте, налейте.

Чтоб серым не ходить по белу свету,
Я говорю прохожим невезучим,
Что паровозы, как стихи поэты,
Из труб для неба сочиняют тучи.

И я кричу в их деловые лица,
Зелёные от гонки и прогресса,
Что листья в октябре – самоубийцы –
Срываются с дубов под мерседесы.

Меня поймают, поведут конвоем.
Я расскажу свирепому с мечами:
Собака на луну под вечер воеет,
А я на фотокарточку ночами.

Цветут сады, бушуют кипарисы
Мне под конвоем ни смешно, ни страшно.
Меня прервали в самом бенефисе,
Я только начинал о самом важном!

Я вырываюсь, требую банкета,
Душа желает вверх, туда, где боги!

...Какая-то ужасная планета
Всё время попадает под ноги.

Игорю Касьяненко

От жары пожухли все стихи,
И пчела лежит, уже не жалит.
Я хожу, срываю лопухи,
Чтоб их джипы не переезжали.

Сколько предстоит ещё стихов
Поздней ночью или ранней ранью?
Я хожу с букетом лопухов,
Чтоб лечить тех, кто меня поранит.

И бежит на свет девчонка-жизнь...
Свет в конце тоннеля – это поезд.
Ты лопух на сердце приложи,
Приложи, пока ещё не поздно!

Я один, но знаю – стою двух,
А быть может, даже целой роты.
И таких, как я, зовут Лопух,
Нас срывают, чтоб лечить кого-то...

ВАСИЛЬКИ – ОСКОЛКИ НЕБА

Это глупо и нелепо,
Я с ума сойти готов:
Васильки – осколки неба,
Слишком много васильков!
Словно ангел от печали
Стал крушить стекло небес.
И осколки опадали,
И вращались в поле, в лес.
Никогда спокойным не был.
Вижу синие поля.
Значит, поле – это небо?
Значит, был на небе я?
Значит, рвал я не цветочки,
Мастер васильковых дел,
А, дойдя до крайней точки,
Небо вновь собрать хотел?

Толпу заводит гитарист,
Ударник от вина в ударе.
Но ты сыграй мне, топорист,
Мелодию деревьев старых.

Я помню (это мне дано!),
Как я девчонкой несмышлёной
К окну бежала, как в кино,
Глядеть черёмуху и клёны.

Глаза соседей велики.
Мои защитники – деревья –
На поле боя полегли.
К окну не подхожу теперь я.

А это было всё – моё!
И солнце билось там, под грудью.
Но бродит миром топорьё
И вырубает детство людям.

Теперь не то, и всё – темно.
Сосед-маньяк достал бинокли.
Скажите, на фиг мне окно,
Когда в окне – чужие окна?

ВСЕВИДЯЩИЙ СЛУХ

Ничто не понятно на этой планете!
У многих, наверное, вздрогнет душа...
Мне больно, когда поросята, как дети,
Смеются за десять минут до ножа.

Хоть я, городская, не знала деревни,
Мой крест – сумасшедший, пронзительный слух...
И воют, и воют в рассвете деревья,
Хотя лесоруб спит похмельно до двух.

И часто мне кажется утром спросонья,
Что счастье – фантазия грустных планет,
Что вся я сама, как глухой поросёнок,
Всё хрюкаю в звёзды, не слыша ответ.

Как страшно, как страшно быть маленькой мухой
И между двух стёкол метаться, жужжа.
Я проклята точным, всевидящим слухом...
Там, между двух стёкол – не муха – душа!

Как тихо, как скромно растаяли льдинки...
А солнце, предатель – горит не дотла.
О, если б талант измерялся в грустинках,
Я б гением, гением – точно – была...

ОХОТА НА КОМАРОВ

Звенеть, звенеть, звенеть охота,
Занозой впиться – кровный зов.
Но – комариная охота,
Открыт сезон на комаров.

Взметнутся тапки и газеты,
Обманчив синий горизонт.
Комар живёт не дольше лета,
И это – если повезёт.

Сомкнутся надо мной ладоши
И станет навсегда темно.
Снимите шляпы, крошки-мошки,
Кому сезон прожить дано!

А нам и тела было мало –
Впивались в души от души.
В нас кровь чужая бушевала
И не давала долго жить.

Как злобно, радостно и рьяно
Несётся тапочек в пике.
Но я останусь красной раной
На беломордом потолке!

Пусть мой полёт не будет длинным
И без меня придёт заря...
Не уважают в комарильне
Тех, кто дожил до сентября.

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?

Помидоры – крохотные Марсы.
Семь рублей за килограмм планет.
Ешь планету, кроха, улыбайся,
Кутайся в китайский синий плед.

Я рождён запойным фантазёром,
И наедине с собою, брат,
Я учился резать помидоры,
Спички не жалеть, когда горят.

А когда я был особо «весел»,
Кроха бегал, требуя ответ:
– Есть ли жизнь на Марсе? Есть ли? Есть ли?
Есть ли смерть на Марсе или нет?

Помидоры цвета революций
Жались к тыквам, брюквам и стене.
Их везли из Сирии, из Турций –
Распродажа раненых планет.

Ешь планету, кроха, и не кайся.
Ты поймёшь, что жалость – это бред.
Я не знаю, есть ли жизнь на Марсе,
На Земле сегодня жизни нет...

ПЛАСТИНКИ

Здесь ретро, музыкальные новинки,
И в записи скрипит и плачет дверь.
Когда-то были синими пластинки,
Но после почернели от потерь.

Весёлые канканы и канканки
Крутили в старом доме на углу.
И нервные пластинки-наркоманки
Садились добровольно на иглу.

И понял я закон простой и страшный –
Когда весь мир – беда, беда, беда,
Ты запоёшь, и станет всё неважно.
Нельзя цвести, не мучась – никогда!

И я верчусь пластинкой на планете,
Мне не уйти от собственной иглы.
Но стоило, наверно, жить на свете,
Ведь были в жизни звёзды и «Битлы»!

...Здесь ретро, музыкальные новинки,
Поют поля, берёзы, тополя.
Бог слушает планету, как пластинку,
И вертится, и вертится земля!

Из нас с тобой не вспомнят ни куплета,
Но кто-то спросит в призрачную тьму –
Была когда-то синею планета,
А после почернела. Почему?..

ДВА ЧАЙНИКА

Нас в доме двое – я и чайник,
И мы повесили носы.
Дружище чайник, ты – печальник
Среди весёлой колбасы.

Среди улыбчивых пирожных
Тебе, молчальник, места нет.
Мы даже профилем похожи,
Но ты чуть-чуть темней – брюнет.

У нас ужасная привычка
По сто раз на день закипать.
Из-за какой-то дуры-спички
Со всей вселенной воевать!

Нас жгут – спокойно, без печали,
Костёрчик, правда, измельчал.
Вновь ставят на конфорку чайник,
Чтоб он от ужаса крича-а-ал!..

Название пыточной – квартира.
Портьеры, тишь до штриха.

Два чайника в огромном мире –
Какая мелочь для стиха.

МОНОЛОГ ПОГИБШЕГО СОЛДАТА

...А в апреле мне было б уже девяносто.
Я ругал бы правительство, пил «на коня».
И мальчишки, смешные, не верили б просто,
Что на фото солдат – это я, это я.

И, наверное, в книгах и скуке мой дом был,
Я за льготой на праздник стоял бы три дня...

Только злая планета по имени Бомба,
Чтоб не гибнуть одной, забрала и меня.

Миллионы планет в сорок третьем срывались,
Разрывались – и тут уж кричи не кричи...
Был бы жив – я бы кровь не сдавал на анализ:
– Слишком красная! – стали б смеяться врачи.

Ну, а та, что алееми с палочкой бродит
И несёт фронтовые мои письма...
Мы бы сорок пять лет уже были в разводе,
Но я умер. И ты мне осталась верна.

Я не знал бы компьютера. Резался в шашки.
И ругались бы дети: «Ты снова спишь, батя!».
А я знал, что такое Любить, и ромашки
Безрассудно на поле, на минном срывать!

Только некому было поведать о том бы.
Я бы жизнь доживал, никого не виня.

Хорошо, что планета по имени Бомба,
Всё предвидя, тогда пожалела меня.

Палачи, палачи, палачи
Лечат быстро любые огрехи.
Промолчи, промолчи, промолчи,
Сочинитель правдивого эхо!

Ты же знал: можно только «Ура!»
Или тихо в карманах две дули.
А от голоса есть снайпера,
А от песни прописаны пули.

Ты заказан. Беги, менестрель!
Менестрель палачам не в утеху
За секунду до пущенных стрел
Допевал, чтобы вырвалось эхо.

Закричи, закричи, закричи!
Где бы ты ни бежал и не ехал.
Если будешь молчать, то в ночи
Не родится прекрасное эхо.

Что угодно: «Аллё!» и «Алле!»,
Но не множь тишиною усталость.
Ведь и горы цветут на земле,
Чтобы эхо в горах раздавалось...

КАК НАДО ЖИТЬ

Жить надо – как не надо,
И, может быть, тогда
Когда-нибудь, когда-то
Блеснёт твоя звезда.

Жить надо – как не надо,
И вот, всем злам назло,
Расскажут листопады,
Что чудаку везло.

До смерти, до упаду,
Под невесёлый смех –
Жить надо как не надо,
Любить лишь тех – «не тех».

В причёске ранний иней
И, сквозь тоску и страх,
Цветёт шизофрения
В талантливых стихах.

Ты нежен, зол и светел
И ты развеешь мрак.
Да будет так на свете,
Что всё вокруг не так!

Да будет май и вишни,
И вой, рождённый псом...
Посмей быть третьим лишним
И пятым колесом.

ДИЛЕММА

Бронхит. Ощущенье, что счастья не будет.
И кошки скребутся, и в горле першит.
И ходят здесь вечнозелёные люди
От дыма, и смога, и шума машин.

Зелёные люди, как будто растенья,
Они мне никто, я им тоже ничья.
Я стала всё путать, и не по деревьям,
А по человекам три раза стучать!

Айподы, айпады, признанья на флешках,
И от электричества воют столбы.
Плакучие ивы рыдают в кафешках,
Когда удирают из дома дубы.

С планеты сбегают и хащи, и рощи...
Я вижу дилемму, а видишь ли ты?
Деревьев всё меньше, а дерева – больше.
Природа не терпит, увы, пустоты.

Вся планета в огне, вся планета в огне.
Кто-то спичку подбросил и вот, погляди:
Что в чужих городах, что в знакомом окне –
Этим липам уже не дожить до седин.

– Это осень, – спокойные мне говорят, –
То сентябрь-рэкетиры зелень с клёнов отжал.
– Отчего ж эти листья желтеют-горят?!
Я не верю в слова, я поверил в пожар.

Как не верить? – на кронах всё больше просвет.
Я сквозь кроны тревожно на солнце смотрю.
Словно пули навывлет оставили след.
Были жёлтыми клёны – уже алый цвет.

Да, я знаю, на всех в мире хватит снегов.
Самый сильный пожар заметёт снегопад.
Но останутся сотни притихших дубов:
Одиноких солдат.
Одноногих солдат.

И смотрят, и смотрят со дна океана
На белые звёзды – и нет иных дел –
И юнги, и боцманы, и капитаны
Давно затонувших, седых каравелл.

И видят, что звёзды – совсем и не звёзды:
Огни от турецких, крутых папирос.
Их курят матросы, их курят матросы
Погибшие на берегу, не всерьёз.

Ведь это не смерть, если не в океане,
Ведь это не гибель, когда без воды.
В какой-то стране быть в земле – это странно,
Когда с Чёрным морем ругался на «ты»!

И хочется с чёртова неба сорваться,
Нырнуть со всей дури к своим кораблям!
И там танцевать утонувшие танцы,
Кричать о фрегатах притихшим китам.

Но с неба – нельзя. И летят папиросы
С небесной тревоги на водную гладь...

...А ты говоришь – это падают звёзды,
Пытаясь кого-то себе загадать.

ЧЁРТОВЫЕ РОМАШКИ

Машины нагло-алые
Летят через мосты.
Шахтёрам под завалами
Мерещатся цветы.

Таких ромашек радужных
Не встретишь на земле.
Они пылают, влажные,
Лишь в шахте, где во мгле

Уже почти нет воздуха,
Уже почти не ждут.
И лишь враньё от Костика:
– Не бойтесь, нас спасут!

А там, вверху – прохожие,
Там солнце, молоко...
Там дышат, ДЫШАТ, боже мой! –
Легко и глубоко.

Я тех ромашек чёртовых,
Расцветших на угле,
Нарву руками чёрными
Для той, что на земле.

Я вылечу! Я выскочу!
Я буду жить сто лет!
Ожог запудрю кисточкой
И заверну букет.

Ты чудная, ты чудишься...
Навру: спешил, упал...

А ты опять надуешься
За то, что опоздал.

ЕСЛИ Б Я БЫЛА МУЖЧИНОЙ

Если б я была мужчиной,
Я б махнула в Магадан.
Как поэты, без причины,
С головой в седой туман.

Если б я была мужчиной,
Кем бы я тогда была!
Я бы меньше бы курила,
Я бы меньше бы пила.

Если б я была мужчиной,
Например, была тобой –
Я б нашла меня красивой,
Нежной, как ночной прибой.

Если б я была мужчиной,
Сильным, как подъёмный кран,
Я б нашла печаль и силу
Наплевать на Магадан.

И остаться. Да, остаться!
И вбежать в неравный бой.
Стать посмешищем, паяцем,
В общем, просто стать собой...

По этапу, по этапу
За идею – в белый снег...

Но я женщина, ребята,
В общем – тоже человек.

ТАК ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО, ТАК ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

Нет, я не стану алкашом,
Но мне понятно, Лёха,
Что быть весёлым – хорошо,
А быть поэтом – плохо.

Есть у стихов закон смешной,
Несносная эпоха!
Поэтам плохо – хорошо,
А хорошо им – плохо.

Ещё не всё – кошмар сплошной,
Ходи, ругайся, охай:
Поэт безумный – хорошо,
Поэт нормальный – плохо.

Я вас любил, я был взбешён,
Девчонка, стерва, кроха!
Вам было очень хорошо,
Когда мне было плохо.

И до чего наш мир дошёл!
Я, видно, неумёха:
Плохим живётся хорошо,
А вот хорошим – плохо...

О, дайте кто-нибудь ружьё!
Одно я знаю, Лёха –
Что быть хорошим – хорошо...
Так почему мне плохо?!

НЕ ЧИТАЙТЕ УМНЫХ КНИЖЕК

Не читайте умных книжек –
Сохраняйте взор и статью.
Задыхаются Парижи
От пришедших умирать.

Не рассчитывайте очень,
И не раскрывайте рот:
Между тысячами прочих
Есть всего один Кихот.

А советов в книжках тыщи –
Я советов не люблю!
Как начнёшь вникать, а вникнешь –
Впору залезать в петлю!

В утренней, безумной давке,
Чтоб не вытряхнули дух,
Как спасенье – томик Кафки...
Отбиваться от старух!

Но всегда найдутся люди
С Атлантидами внутри.
Душу вынесут на блюде,
Выплеснут себя – бери...

Каждый борется со скукой
В меру своих душ и сил.
Сколько тихих, близоруких
Ветер знаний погубил!

Сто иллюзий сердце выжгут,
Лишь кто весел, тот и прав.
Не читайте умных книжек,
Вам советует Минздрав!..

ПИНГВИН И МОРЕ

Цель лебедей – с пути не сбиться.
Летят – маня, зовя, грозя...
А я – я проклятая птица,
Мне можно всё – летать нельзя.

А в Антарктиде снега горы,
Туман, туман, туман, туман...
Я так хотел увидеть море,
А видел только океан.

Мне говорили: «Что за горе?
Пингвин, уймись, пингвин, ты – псих!».
Мне приносили слушать море
Из раковин морских, чужих.

Мне говорили: «Полно, полно,
Не будь пингином, брось свой страх!».
А я ловил морские волны
На длинных радиоволнах.

Но лебединой песни нежность
Летела сделать мне больней.
Я верил в море и безбрежность
На берегу земли моей!

Я всё сидел у ног заката
И на снегу чертил кружки.
И наблюдал, как пингвинята
От счастья кушали снежки...

ТРОНУТЫМ

Хорошо известно – поздно.
Были – не были близки,
Только трогается поезд,
Чтоб я тронулся с тоски.

Мне теперь хоть в гости к Вовке,
Хоть домой – читать Дюма.
Я сойду на остановке,
А потом сойду с ума.

– Не забудьте незабудок!
Вот пион, а вот нарцисс!
Из ларьков, как псы из будок,
Будут лаять продавцы...

Так заведено и будет:
Чудаки, как снег, тихи.
Пишут тронутые люди
Трогательные стихи.

Так заведено и будет:
Так придумал Бог большой:
Чудаки – смешные люди,
Но с судьбою несмешной.

Место есть всему, хоть тресни!
Сотни развелось планет!

Если сердце не на месте,
Значит, сердцу места нет.

А метель всё метёт по двору, и
Рифмы белые, как молоко.
Я тебе фонарей наворую,
Если, вправду, до звёзд далеко.

Я нарву фонарей, как ромашек –
Испеку нежный, лунный пирог.
Приезжай, быть бесстрашным не страшно,
Бомбы к нам не придут на порог.

Пусть границы, война и солдаты.
Приезжай, чтоб себя испытать.
Я с тебя не пылинки – куда там!
Даже ангелов буду сдувать...

У маленьких принцев – большие ресницы.
Закроешь – и ты на одной из планет.
Исчезли кареты, ушли колесницы
И даже трамваев почти больше нет.

Бегут по границам железные птицы
От Марса до Солнца за десять минут.
Но у самолётов печальные лица.
Что это за птицы, когда не поют?

Всему есть граница – везде проводница
Проводит, посадит и чаю нальёт.
А мне бы от скорости этой укрыться
И ехать в трамвае всю ночь напролёт.

От рельсов и станций беги, мой Гораций,
К деревьям, деревням, да хоть – к праотцам!
Кому это снилось и как могло случиться,
Что отдан мой город таким мудрецам?

...а я всё стою и прохожих пугаю.
И «кто ты такая?» кричат они вслед.
А кто я такая?
А я не такая.
Я всё жду трамвая,
Которого нет.

Планету назови мою Печалью.
А на планете этой, как цветы,
Растут голубоглазые молчанья,
И пляшут, пляшут лунные коты.

Меня учила нежность быть спокойней
И провожать моё и не моё.
Счастливых поездов тебе, перонье,
Желает разбитное воронье.

Езжайте, поезда, не очень быстро.
Кондукторша, не будь в пути лиха.
Ты совершила грубую ошибку,
Богатого оставив жениха.

Пусть не заманят к морю крики чаек,
Не завлечёт прогулкой свет Венер.
Но если, вправду, золото – молчанье,
То я давно уже миллионер.

ПРЕКРАСНЫЕ ДЕТИ

Нам тридцать. Нам сорок. Мы вечные дети.
Мы верим в любовь и покой на земле.
Мы в книгах читали про пули и плети,
Но мы улетим от плетей на метле.

Как много примеров для нас, безымянных!
Для нас, небывалых и всё же – живых.
Нам светят, как солнца, ушедшие страны,
Мы сложим легенду легко, словно стих.

Нас мало. Нас мало. Мы – максималисты.
Нам не заводить жён, детей или кур.
Но знает лишь Бог, как идут атеисты
За Бога на ужас больших амбразур.

И пусть нам гадают одну непобеду,
И пусть зло пророчит воскресший Икар,
Что, перевернув вверх ногами планету,
Всё будет по-прежнему – шар только шар.

Вперёд! Тем, кому небо виделось в луже,
Берите и звёзды вставляйте в наган.
Нас водит! Нас манит! Нас грезит! Нас плющит!
Нас в бой призывает душа-атаман.

Есть вера – она и оружие, и панцирь.
Мы не пожалеем души и костей.
Прекрасные дети выходят сражаться,
Но враг не заметит прекрасных детей...

**Жизнь могла ещё течь и течь,
Но я понял и вдруг затих:
Обречённость – от слова Речь.
Как теперь сочинять стихи?!**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1 ЛЮБОВЬ К ТРЁМ АРБУЗАМ

Поезд.	4
1. Побег арбузов	5
2. Арбузные дожди	6
«Мы с тобой ходили в сновидения»	7
Заведи	8
Моему музу	10
«Цветы не умирают тихой смертью»	11
1. Весёлый клоун	12
2. Красный нос	13
«Я – телефон. Я слышу голоса»	14
«Я болен. Брожу дорожками»	15
Тра-та-та-та	16
Страна солирующего саксофона	18
Звёздное самоубийство	20
Луковое счастье	21
«Слышу я легенды голос древний»	22
Одиночество	23
Беспредел	24
Влюблённый пёс	25
Сорняк	26
Художник попадает в рай	27
Проклёнье	29
Зелёные подъезды	30
Ослам	31
«Я люблю. Разделилась планета»	32
Поэт на свадьбе	33

На шару по шару	34
Две жизни	35
О любви я просто расскажу	36
Не наступайте на божьих коровок!	37
Не все дома	38
Остаться в апреле	39
Грабли	40
Крыжополь, влюблённый в Париж	41
Над душой	42
Следы	43
«...Куришь, по столу всё барабанишь»	44
Пятачок	45
Когда я умру	46
Барабашка	47
Контакт	48
Стих душевного человека	50
Стих потерянного человека	52
Стих стеснительного человека	53
Стих погибшего человека	55
Стих наивного человека	56
Сумасшедшее счастье	57
Любовь не зла	58
Последним умирает юмор	59

Часть 2

РОМАНТИКИ В НЕРАВНОМ ПОЕДИНКЕ

Риск	61
Смельчаки	62
«Чтоб серым не ходить по белу свету»	63

«От жары пожухли все стихи»	64
Васильки – осколки неба	65
«Толпу заводит гитарист»	66
Всевидающий слух	67
Охота на комаров	68
Есть ли жизнь на Марсе?	69
Пластинки	70
Два чайника	71
Монолог погибшего солдата	72
«Палачи, палачи, палачи»	73
Как надо жить	74
Дилемма	75
«Вся планета в огне, вся планета в огне» ..	76
«И смотрят, и смотрят со дна океана»	77
Чёртовые ромашки	78
Если б я была мужчиной	80
Так что такое хорошо, так что такое плохо?	81
Не читайте умных книжек	82
Пингвин и море	84
Тронутым	85
«А метель всё метёт по двору»	86
«У маленьких принцев – большие ресницы» .	87
«Планету назови мою Печалье»	88
Прекрасные дети	89
Жизнь могла ещё течь и течь	90

Олена Шелкова

ВТЕЧА КАВУНІВ

Російською мовою

Книга віршів

Макет і комп'ютерне верстування: О. Мумінова

**Підписано до друку 16.02.2017 р.
Формат 70 x 100¹/₃₂. Папір офсетний.
Гарнітура «Franklin Gothic Medium».
Обл.-вид. арк. 4,98. Ум.-друк. арк. 5,46.
Наклад 500 прим. Зам. № 1591.**

Видавничий дім Дмитра Бураго
ФОП «Бураго Дмитро Сергійович»
Свідоцтво про внесення до державного реєстру
ДК № 4558 від 05.06.2013 р.
Тел./факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;
e-mail: info@burago.com.ua
www.burago.com.ua
Адреса для листування: 04080, м. Київ-80, а/с 41